

И.Г. ЯКОВЕНКО

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИАЛОГ

Используемое в мировой гуманитарной науке с 60-х гг. прошлого века понятие «идентичность» последние двадцать лет активно осваивается отечественной мыслью. Данное понятие оказалось широко востребованным в разных гуманитарных дисциплинах (этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии, культурологии). Сам концепт идентичности переживает перманентную проблематизацию. Феномен идентичности интерпретируют и реинтерпретируют, выявляют новые аспекты и грани этого явления, вписывают его в свежие дисциплинарные пространства и теоретические контексты.

Острая востребованность интересующего нас понятия задана не только и даже не столько состоянием гуманитарного знания, сколько более широкими социокультурными процессами. Мы живем в глобализирующемся, высокодинамичном и гетерогенном мире. Эта реальность требует от человека вписать свое «Я» в утративший привычные очертания, сложный и в высшей степени подвижный контекст. Последнее возможно только в том случае, если это «Я» постоянно изменяется, творчески переосмысливается, но некоторым парадоксальным образом остается самим собой. В такой ситуации понятие «идентичность» оказалось на редкость своевременным и гносеологически продуктивным. Отсюда и интерес к идентичности исследователей, представляющих самые разные направления и научные школы.

В связи с распространенностью и активным применением термина «идентичность» в социально-гуманитарных науках имеет место некоторая «усталость» термина. Поэтому ряд исследователей (Брубейкер, Купер) акцентируют внимание не на «идентичности», несущей в себе смыслы данности, реифицированного явления, но на «идентификации», которая по своей природе есть процесс, постоянное становление. Процесс (само)идентификации не подразумевает наличия «готовой» идентичности у субъекта идентификации, а, скорее, подразумевает поиск идентич-

ности и ее постоянную модификацию. Идентичность не является «почетной грамотой», получив которую можно говорить о «сформированной» идентичности, так как процесс само- и переопределения продолжается всю жизнь. С. Холл также говорит об идентичности как о «продукте», который никогда не бывает готов, или точке временного прикрепления к субъектным позициям, которые создают для нас дискурсивные практики.

Но что есть процесс идентификации, как не нескончаемый диалог человека с самим собой, с окружающей его реальностью, с другими людьми? Диалог в необозримом пространстве текстов, артефактов, разнообразных феноменов и интерпретаций. Здесь саморазвитие субъекта идентификации идет параллельно развитию окружающей его социокультурной ситуации, изменениям мира.

Процесс идентификации неотделим от диалога по поводу сущностей, выступающих объектом идентификации. Затухание такого диалога лучше всего свидетельствует об умирании предмета, о дезактуализации той субстанции, что вчера еще лежала в основаниях некоторой идентичности. Так с крахом коммунистического проекта происходит обвальная дезактуализация идеологических реалий, значимых в предшествующую эпоху. Разворачивается неизбежный процесс забывания, вымывания из массового сознания утративших актуальность реалий, трансформация исторической памяти. Так умирают идентичности. Закат коммунистического проекта стал следствием проигранного исторического соревнования двух систем. А этот результат, в свою очередь, задан широкой мозаикой объективных процессов в рамках модернизационного перехода человечества. Иными словами, жизнь идентичностей, их актуализация, трансформация и умирание фиксирует определенную грань всемирно-исторического процесса.

Одним из самых ярких примеров, иллюстрирующих интересующую нас логику, является эволюция общеевропейской идентичности. Понятие «Европа» известно каждому со школьной скамьи. Привычность и сверхчастая употребимость этого понятия рождает иллюзию самоочевидности. Между тем идея Европы дробится и проблематизируется. В ней как минимум обнаруживается два уровня оснований: Европа может пониматься и как географический, и как цивилизационный феномен, причем границы этих сущностей не совпадают.

Отсюда и проблема границы между Европой и Азией, которые, как известно, составляют единый евразийский материк. Не только в разные эпохи, но и в одно и то же время данная граница проводилась разными авторами по-своему. «Европа» не является понятием физико-географи-

ческим, но имеет культурно-историческое наполнение. Сущность и границы этого феномена в разные эпохи трактуются по-разному, мало того по-разному в одну и ту же эпоху.

Понятие «Европа» включает в себе проблему: что есть Европа, в чем ее суть, каковы границы этой сущности? Природа этого феномена является полем диалога, истоки которого уходят в глубь тысячелетий. Что же касается позиций в рамках такого диалога, то они задаются эпохой и зависят от базовых атрибутов: идеологических установок, национальности, цивилизационной идентичности, конфессиональной принадлежности. История с границей между континентами иллюстрирует ситуацию поиска европейской идентичности и показывает некоторые грани этого сложного и часто драматического процесса.

Поиски европейской идентичности имеют двухтысячелетнюю историю. Формирование государства и рождение особой локальной цивилизации на территории Европы включило процессы самосознания, которые идут не переставая. Современный этап — лишь часть бесконечного процесса. Заметим, что в ходе этого периодически меняется этнокультурное, цивилизационное, идеологическое наполнение сущности, понимаемой как Европа. Список этот открыт, поскольку история продолжается.

Сегодня диалог о природе Европы и ее границах маркируют дискуссии по поводу вступления Турции в Евросоюз или проблема упоминания христианских ценностей, как одного из оснований европейской цивилизации, в конституции союза. Вопрос о том, что же такое Европа, будет звучать до тех пор, пока на земле останутся люди, осознающие себя европейцами.

Заметим, что природа европейской идентичности занимает не только европейцев. В XIX в., по мере формирования американской нации и вызревания локально-цивилизационной специфики США, американские мыслители задавались вопросом: что есть Европа и европейский дух и чем мы — американцы — отличаемся от европейцев? В XX в. разворачивается процесс рефлексии оснований латиноамериканской цивилизации. Ведущие латиноамериканские мыслители задаются теми же самыми вопросами: что отличает нас, латиноамериканцев от североамериканцев и европейцев? Крах колониальной системы и новая историческая эпоха, открывшаяся для стран третьего мира, поставила те же вопросы перед интеллектуалами и идеологами арабского, индийского, африканского миров. Люди, получившие европейское образование, включенные в общемировую культуру, не могут не соотносить свои реалии с европейскими, не могут не отталкиваться от европейской идеи и европейского опыта.

Образ Европы формируется в трудах индийских, арабских, африканских авторов. В нашей стране названные проблемы занимали никониан

и старообрядцев, затем славянофилов и западников. Несколько позже — либералов и евразийцев, читателей журналов «Новый мир» и «Октябрь» и т.д. Все это — нескончаемый развернутый диалог. Концепт идентичности формируется в диалоге всего общества, охватывающем как носителей данной идентичности, так и всех тех, для кого сколько-нибудь значима или актуальна данная идентичность.

Как известно, природа идентичности двойственна. С одной стороны, она выступает как априорная истина. С другой — требует постоянного подтверждения. Жизнь перманентно проблематизирует акт самоидентификации, ставя под вопрос как принадлежность каждого к некоторому «Мы», так и понимание этого «Мы», его природу, оценку, видение перспектив и т.д.

История понятия «советский человек» подводит нас к проблеме — «базовые идентичности и революционные преобразования». Советский человек утвердился на месте подданного русского царя в результате большевистской революции, а демократическая революция 1991 г. упразднила феномен советского человека. В случае больших революционных преобразований и исторических катастроф базовые идентичности разрушаются практически полностью. При этом запускается длительный и сложный процесс перехода к новой идентичности. Революционная смена идентичности может занимать целые эпохи. В XX в. эти процессы, как правило, укладываются в смену одного поколения — 25-30 лет. Они реализуются в ходе напряженного диалога, в котором участвует практически все общество.

Идентичность — более или менее устойчивый, хотя и подвижный образ, который воспроизводится в пространстве социального взаимодействия каждый раз в особенной ситуации. Мера актуальности конкретных идентичностей также варьируется в широких пределах. Гетерогенность социального и культурного пространства рождает тенденции дезинтеграции, самозамыкания отдельных локусов. Общество воспроизводится постольку, поскольку социальные отношения покрывают плотной сетью взаимодействий все общественное целое. При этом пространство идентичностей выступает одним из планов выражения диалектики интегративных/дезинтегративных тенденций.

Диалог по поводу идентичностей разворачивается на всем социальном пространстве и идет в самых разных измерениях: на уровне локальных субкультур, процессов, охватывающих регионы страны, в общенациональном масштабе. Он разворачивается в пространстве межличностной коммуникации, заполняет собою СМИ, литературу и искусство, становится одной из основных забот идеологов и превращается в предмет исследования науки.

Современный человек осознает себя носителем широкого набора разнообразных идентичностей. Конфигурация такого набора выражает человеческую уникальность, сочетает объективное и субъективное, заданное по факту рождения и избранное, общее, типичное и особенное, специфичное только для этого человека. Сложно оценить историческую динамику веера личностных идентичностей, однако общее направление вектора процесса очевидно. По мере разворачивания истории пакет личных идентичностей нарастает. Причем движение от традиционного общества к модернизированному резко расширяет поле социального и культурного выбора. Личностное становление продолжается всю жизнь, а жизненный путь может быть представлен как траектория обретений и утрат тех или иных идентичностей.

Уровень диалога, на котором разворачивается глубокое погружение в сложную идентичность, описать очень сложно, поскольку подлинные, самые глубокие основания профессии, веры, мировоззрения практически не формализуемы. Обретая те или иные идентичности, современный человек формирует контур своей личностной конфигурации. Далее перед ним открывается возможность продвигаться вглубь пространства, заданного конкретной идентичностью, или остановиться. Связать себя накрепко с некоторой идеей, образом жизни, социальной практикой или остаться на периферии идентичности, не слишком погружаясь в избранное пространство. Выпуклый, стереометрический портрет личности выстраивается в наложении набора идентичностей и меры личностного погружения в каждую из них.

Обращаясь к этим проблемам, мы попадаем в пространство экзистенциального выбора, в сферу личностного самоопределения и сотворения себя. Эти процессы разворачиваются в поле нескончаемого диалога с самим собой, с окружающим миром, с собственной судьбой. Зрелый верующий человек осознает это как диалог с Богом. Отрефлексированный и осознанный или импульсивный, значимый человеческий выбор остается выбором. В нем всегда присутствует момент диалога.

Однако диалог по поводу идентичностей разворачивается на самых разных уровнях и принимает разнообразные формы. Государство, идеологические институты, политические партии, самые разнообразные группы влияния формируют желательные для этих субъектов образы конкретных идентичностей. Одни и те же значимые общественные реалии, одни и те же объекты идентификации получают различающуюся трактовку, предстают в разном свете. Помимо уровня официальной культуры существует межличностная коммуникация и устное народное творчество — слухи, анекдоты, байки, поговорки. Здесь разворачивается специфичес-

кая рефлексия картины мира, представленной в культуре большого общества, прежде всего в официозе.

Обобщая, надо сказать о том, что диалог по поводу идентичностей пронизывает собой всю социокультурную реальность. Он представлен в политике, науке, официальной идеологии, вплетается в социальные отношения, литературу и искусство, отражается в формах народного творчества и образе жизни, пронизывает собой сферу межличностного общения.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

П.К. ГРЕЧКО

РЯЗАНСКИЕ МЫСЛИ

Прежде всего я бы хотел отнестись к тому, что уже прозвучало, т.е. войти в дискуссию непосредственным образом. Здесь говорилось о смерти человека в постмодернизме. Но это миф, оправданный лишь пеной и шумом в этом достаточно серьезном интеллектуальном движении современности. Глубинные токи постмодернизма оптимистичны, и утверждают они жизнь, а не смерть.

Что действительно имеет место, так это смена онтологической оптики – с субстанциальной на реляционно-функциональную. Иначе говоря, постмодернизм перевел онтологию человека на функциональные рельсы и попытался ответить на вопрос, как она, эта новая онтология, может или должна выглядеть. Опять же и онтологию можно понимать по-разному: как метафизику, что и сделал Юрий Михайлович, или как атрибутивное существование, профессионально выражаемое с помощью «чтойности» и «ктойности». Отрицая метафизику, постмодернизм концентрируется на существовании в его индивидуально-сингулярной определенности.

Что такое онтология функции, функциональности (изолированной от субстратной поддержки) – никто не знает. Отсюда и некоторая онтологическая невнятность постмодернизма. Ясно одно: в постмодернизме

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).
